

Vladimír Franta

МҮЖЕШ МИ РІКАТ ЕРИЧКУ АНЕВ ЛЕТНІ ПРІБЕЖ О ВЗДАЛЕНЕМ ДЕТСТВІ

МОЖЕШ МЕНЯ НАЗЫВАТЬ ЭРИЧЕК, ИЛИ ЛЕТНИЙ РАССКАЗ О ДАЛЕКОМ ДЕТСТВЕ

Наследующие заžitky jsou z různých dob. Zdaleka ne ve všech případech jsem něco vyloženě ztratil. Naposled jsem si něco s sebou i odnesl. Mají úsměvnou nebo sentimentální náladu. Pokud například zrovna cestuji a vjíjím-li se v ten okamžik očima do dálav, samy mi mohou vytanout na mysl, jako třeba právě teď.

Bylo mi tehdy dvanáct, byl jsem zhruba ve věku Toma Sawyer a o jeden rok mladší než Jack Holborne. Právě skončila škola. Začaly prázdniny. Doma se usnesli, že bych je mohl strávit v letním táboře, kam za mých časů jezdili ještě pionýři. Protože jsem si uměl zavázat třícípý šátek barvy včelího máku a štramácky jej nosit, tak jsem jel. O řadu let později se mi jedna z mých kolegyň v práci svěřila, že jsem podle ní jediný chlap, ze všech co zná, který si spravuje náladu tím, že si kupuje „hadry“. No a co! Příjmení Franta ve slovanských jazycích znamená „fešák“. Člověka to poněkud zavazuje, i kdyby měl chodit v pytlí od brambor. Abych ale neodbíhal: jistěho letního dne roku 1988 zastavil v severočeských Heřmanicích autobus se skupinou mladých „průkopníků“ před hrázděnou ubytovnou. Poté, co výsadek vyskáká na travnatou plochu areálu, tábor začal.

Rozumí se, že se děčka pustila s plnou vervou do her a soutěží. Došlo i na romáčky, roztomilý průvodní jev táborových diskoték, z jejichž ampliónů se nesla pořád dokola píseň Memory z muzikálu Kočky. Jelikož jsem neuměl být mladý v dobách svého mládí a neměl jsem tričko bez rukávů, vysloužil jsem si přezdívku „Chytrolín“. Nebyla myšlena ani moc jako kompliment. Jak jsem asi vypadal, když jsem bloumal po táboře se svažetým obočím a zamýšleně sešpulenými rty, značně tak připomínající výrazy záhadných sach z Velikonočního ostrova. Na diskotéce se do mě nicméně zamilovala o dva roky starší holka. Pronásledovala mě tím, že mi proti mé vůli říkala „můj Leknín“. Poněvadž jsem se jí vyhýbal, měla tendenci mlátit mě po hlavě poctivým socialistickým deštníkem. Snad nepřekvapí, že jsem našel útočiště na marodce. Zatímco ostatní randili, soutěžili a jinak dováděli, zvykl jsem si trávit čas intelektuálními debatami s paní doktorkou. Měla u sebe kufřík s přenosnou zubařskou vrtačkou a budila značně sofistikovaný dojem i respekt. Za celý tábor vytrhla pár zubů, nemluvě o tom, že měla důvod k obavám, neboť jedno z dětí chvíli jevílo známky klíšťové encefalitidy. Když bylo těch pár zubů extrahováno a encefalitida předdiagnostikována na obzvláště rafinovanou simulaci, získala doktorka více času. Mé dětské smyšlenky o fotonech, mimozemských civilizacích vnímala jako balzám. Vždyť lékař jinak neustále bdí ve snaze předvídat traumata, která často hrozí při libovolné větší koncentraci dětí. Tak mi vždy rovnala uzel avantgardní vázanky v barvě zapadajícího slunce se slovy: „Tak, co mi dnes povíš, příteli?“

Reči mi došly jen jednou, když se tábor svlažoval v parném dni na koupališti. Svoje nohy nepovažuji za pěkné, tak jsem osaměl na břehu v lehkých kalhotách, než abych riskoval, že mi

Следующие впечатления я получил в разное время. Нельзя сказать, что связаны они лишь с потерями. В последний раз я даже с собой что-то унес. Они вызывают улыбку или сентиментальное настроение. Нахожусь ли я в пути и впинаясь ли глазами в далекие обзоры, они сами могут вспомниться, вот как сейчас.

Тогда мне было двенадцать лет, я был примерно в возрасте Тома Сойера и был одним годом моложе Джека Холборна. Только-что закончилась школа. Начались каникулы. Дома решили, что мне можно было бы их провести в летнем лагере, куда в мои времена ездили еще пионеры. И я поехал, потому как был способен завязать треугольный галстук цвета дикого мака и щеголять им. Спустя много лет одна из моих коллег по работе доверительно сказала мне, что я, по ее мнению, единственный из всех ее знакомых мужчин, который повышает себе настроение, покупая «тряпки». Ну и что! Фамилия Франта в славянских языках значит «пижон». Такое в прямом смысле обязывает, даже если бы человек ходил в мешке для картошки. Но, чтобы не отходить от темы: одним летним днем 1988 года остановился в северочешских Гержманицах автобус с группой молодых «первопроходцев» перед фахверковым домом-общезиением. После того, как десант выпрыгнул на травяную площадку участка, можно было сказать, что лагерная смена началась.

Понятно, что ребятня со всем пылом молодого энтузиазма пустилась в игры и состязания. Возникали детские любви, невинные явления, сопровождающие лагерные дискотеки, из громкоговорителей которых все время слышалась песня Memory из мюзикла Кошки. Так как я не умел быть молодым во время своей молодости и не было у меня майки без рукавов, я получил прозвище «Умник». Я бы не сказал, что его употребляли в качестве комплимента. Представляю, на кого я был похож, когда бродил по лагерю с приподнятыми бровями и сложенными губами, и выражением лица весьма походил на статуи на Острове Пасхи. На дискотеке в меня влюбилась девчонка на два года старше. Она меня преследовала, называла меня, хоть мне это и не нравилось, «мой белый Геральдон». Так как я избежал ее, она имела тенденцию бить меня по голове прочным социалистическим зонтом.

Неудивительно, что убежищем для меня стал медпункт. Пока остальные влюблялись, соревновались и всячески проказничали, я стал проводить время, погружившись в интеллектуальные дискуссии с госпожой докторшей. При ней был чеходанчик с переносной машинкой для сверления зубов, так что докторша создавала впечатление совершенного существа и пользовалась за пределами уважением. За лагерную смену она удалила пару зубов, не говоря о том, что у нее был повод понервничать, потому как у одного из детей просматривались в один определенный момент симптомы клещевого энцефалита. Когда все же была эта пара зубов экстрагирована, и энцефалит переквалифицирован как особо хитрый способ симуляции, у докторши появилось больше свободного времени. Мои детские ляпы о фотонах и инопланетных цивилизациях она воспринимала как бальзам на сердце. Ведь врач то и дело несет постоянное дежурство, предвосхищая травмы, угрожающие при любом большом скоплении детей. Она мне всегда поправляла уzel авангардного галстука, своим цветом напоминавшего солнечный закат, произнося: «Ну, какие у тебя сегодня новости для меня, друг?»

Новости у меня закончили лишь однажды, когда лагерь «охладился» посреди жаркого дня на водохранилище. Свои ноги я не считаю красивыми,

začnou přezdívat „Pavoučí muž“. Oproti tomu se původní „Chytrolín“ jevil jako přijatelnější. Doktorka se mě pátravě ptala, zda mě nohy nebudou nakonec dřevěné, že je úzkostlivě schovávám před světem. Tehdy mě zastínil i ten nejmenší špunt. Vyrázil si zub sám i bez lékařské asistence, všem jej ukazoval se slovy: „Teď mi můžete říkat Eričku!“

Tábor skončil tak rychle, jak začal. Autobus vyložil děti v Praze. Protože jsem moc loučeni do této chvíle neabsolvoval a nevěděl jsem, jak na to, vytratil jsem se „po anglicku“, aniž bych se řádně rozloučil. Od té doby jsem nikoho z táborníků víckrát neviděl, abych svůj „chytrolínský úlet“ napravil, zejména ve vztahu k doktorce, která jediná mi poskytla intelektuální azyl a zabránila v tučení po hlavě „mého Leknínu“ těžkým deštníkem. Za dvaadvacet let jsem si na své tábornictví občas vzpomněl a v duchu si říkal, že by nebylo marné se za své iracionální dětinství omluvit. No jo. Mít tak ale šanci, říkal jsem si, aniž jsem tušil, že se mi v budoucnu přeče jen naskytne.

Jednou v létě jsem se takhle procházel po Praze a náhodně zahlédl štítek s uvedenou lékařskou praxí a známým jménem. Nešlo navštívit za kliku a nevystoupat do příslušného patra budovy. V čekárně byl patrně poslední pacient. Dveře ordinace byly rozevřeny. Úzkou škvírou jsem spatřil doktorku s vrtačkou v ruce. Rozhodl jsem se vyčkat. Konečně zubů mám dvaatřicet kusů, jeden můžu obětovat, ať si Eriček nemyslí. Jenomže to by nesměla vejít do čekárny přísná sestra. Kuráž mě poněkud opustila. Zkuste neznámým lidem vysvětlovat něco o fotonech, mimozemšťanech, chytrolínech, intelektuálních zvylech, šátcích, leknínech či deštnících, zvláště pak tehdy, nejste-li vůbec objednáni. Aspoň jsem sestře vnutil vzdor jejímu odmítání vizitku a naléhavě ji požádal, aby ji určitě předala paní doktorce. Nato jsem odešel s poněkud smíšeným pocitem, že mi to vlastně patří, když jsem se kdysi zachoval jako chladný Angličan, teď to zkrátka mám. Vrátili mi to i s úroky, so long and farewell.

Už jsem procházel parkem, když mě z rozjímání vytrhl mobilní telefon. Zvedám sluchátko a slyším - doktorku. Blesklo mi hlavou, že po dvou dekáдах by si to inteligent měl umět srovnat v hlavě, o čem by si s ní chtěl popovídat. Za uběhlá léta mi její osoba obrostla fantastickou aureolou, stala se lakmusovým papírkem pro vše sofistikované, s čím jsem přicházel do kontaktu. Byla jako atlant podepírající klenbu té části osobní historie, která zodpovídá za romantický prvek dětství. Coši jsem vykoktal, na což doktorka zareagovala lakonicky: „Prosím?“

Uvědomil jsem si, že by se měl člověk představit a v určité předtuše jsem hned připojil otázku, zda jezdila kdysi s dětmi na táboře. Doktorka po mírném zaváhání opět odpověděla. A znovu krátce, tentokrát s intonací zvolací: „No, jezdila?“

Po dvaadvaceti letech a půlminutě k tomu bylo již jasné, že si na mě vůbec nevzpomíná. Na chvíli jsem skoro zapochyboval, zda jsem nějaký tábor vůbec prožil. Připadlo mi, že tahle celá situace je jakýmsi nereálným sci-fi. Jako ve snách jsem jí popřál pěkný den. Než ukončila spojení, odušila, že je velmi milé, že jsem se ozval. Bůhvíproč jsem si vybavil Erička bez předního zubu a patrně v hypnóze zašel do nejbližší cukrárny, abych přehodnotil čtvrtstoletí života. Vidina sladkostí byla spíše nadosah, než nejbližší krámk s konfekcí.

Spořádaně jsem si stoupl do fronty. Jakási žena přede mnou chtěla dostat dva kopečky pistáciové a jeden oříškový do kornoutku. Když jí prodavačka podávala naložený kornout, oříškový kopeček vyronila. Prodavačka i zákaznice se po něm současně podívaly, ale nikde nebyl. Kam dopadl, věděl jsem vzduchem mátožnému stavu přesně jen já. Stiskl jsem zuby a „po anglicku“ se vytratil z cukrárny, odnášeje si ve svém levém volném sandálu studící hmotu s pichlavými kousky oříšků. V myslí mi, nevím proč, zazněla známá ironická věta: „A teď mi můžete říkat Eričku!“

poztomu uединился на берегу в легких штанах. Не хотел рисковать, что получу совсем другое прозвище - «Паучий мужчина», в сравнении с которым «Умник» ощущался более приемлемым. Сдерживаясь, докторша меня спрашивала, что может у меня ноги вообще - деревянные, раз я их решил спрятать от всего мира. В тот день меня опередил даже самый маленький пацан. Он себе самостоятельно сумел выбить зуб и без вмешательства докторши, и всем его показывал, заявляя: «Вот теперь меня можете называть Эричек!»

Лагерная смена закончилась быстрее, чем началась. Автобус доставил детей в Прагу. Жизнь меня еще не успела к тому моменту приучить к расставаниям и прощаниям. Я попросту не знал, как мне поступить. Поэтому решил уйти по-английски, не прощаясь. С тех пор я никого из друзей не встречал, хотя бы для того, чтобы своей поступок «Умника» исправить, главное по отношению к докторше. Ведь одна она мне предоставила убежище и воспрепятствовала тому, чтобы ударили по голове белого Геральдона тяжелым зонтом. Порой я вспоминаю этот лагерь и ловлю себя на мысли, что неплохо было бы все-таки за свои детские промахи извиниться. Да, конечно. Но вот, знаете ли, иметь бы шанс, говорил я себе, не зная, что в будущем он у меня все же появится.

Однажды, было лето, я не спеша гулял по Праге и внезапно увидел табличку с практикой врача и знакомым именем. В таком случае каждый бы взялся за ручку и поднялся бы на соответствующий этаж. В приемной был, по-видимому, последний пациент. Дверь кабинета была приоткрытой. Сквозь щель я увидел докторшу с бормашинкой в руках. Я решил подождать. Ведь зубов у меня тридцать две штуки, одним могу пожертвовать, пусть Эричек не думает! Однако в приемную вошла медсестра. Моя решительность немного пошатнулась. Попробуйте чужим людям что-то там объяснять про фотоны, инопланетян, умников, интеллектуальные убежища, галстуки, белые Геральдоны или зонты, да еще в случае, что вы вообще не записаны на прием. Я сестре вручил визитную карточку и убедительно попросил, чтобы ее передали госпоже докторше. Затем я ушел со смешанными чувствами, что такой исход я вполне заслужил, раз когда-то повел себя по-английски. Значит, что получил, получил сполна. Одним словом: so long and farewell.

Я уже проходил через парк, когда мои думы перебил мобильник. Принимаю звонок и слышу - докторша. В голове у меня мелькнула мысль, что после двух десятилетий интеллигент уже мог бы сообразить, о чем можно было бы поговорить с докторшей. Прошедшие годы добавили ее персоне фантастическую ауру. Она для меня стала лакмусовой бумажкой для всего совершенного, с чем я порой сталкивался. Более того, она была как атлант, держащий арку той части личной истории, которая создавала определенную долю романтики детства. Я что-то забормотал, на что докторша отреагировала лаконичным «простите?»

Я подумал, что в первую очередь нужно представиться, и испытывая какое-то предчувствие, присоединил сразу вопрос, помнит ли она, как когда-то ездила с детьми в лагерь. Докторша, после непродолжительного колебания, снова ответила. И опять коротко, в этот раз с восходящей интонацией: «Ну, ездила?»

Спустя двадцать два года и еще полминуты стало очевидным, что докторша меня не помнит. На мгновение я даже засомневался, прожил ли я вообще какой-нибудь лагерь. Мне казалось, что вся эта ситуация является какой-то нереальной фантастикой. Как во сне я пожелал докторше хорошего дня. Прежде чем прекратить связь, она сказала, что вообще очень мило, что я отозвался. Не понимаю, почему мне снова вспомнился Эричек без переднего зуба. Как под гипнозом я зашел в ближайшую кондитерскую, чтобы дать новую оценку четверти века жизни. Возможность подсластиться была более досягаема, и вообще ближе, чем какой-либо бутик.

Я стал, как полагаются, в очередь. Какая-то женщина передо мной заказала два шарика фисташкового мороженого и один орешковый в вафельном стаканчике. Когда ей продавщица передавала загруженный стаканчик, орешковый шарик уронила. Продавщица и женщина посмотрели на пол, но его нигде не было. Куда точно он упал, было известно, хотя мое сознание утопало в тумане, только мне. Я стиснул зубы, взялся за ручку двери и по-английски удалился из кондитерской, унося с собой в своей левой свободной сандали холодной субстанции с кусочками орехов. И опять в голове, не знаю почему, услышал знакомую ироническую фразу: «Ну, вот теперь меня можете называть Эричек!»

Мечтатель и любитель жизни Владимир Франта: is.muni.cz/www/16741/VF.html